

Виталий Познин

ДВОЙНИК ЦЕЗАРЯ

роман-гипотеза

Санкт-Петербург
2013

Виталий Познин
Двойник Цезаря

«Автор»

2013

Познин В.

Двойник Цезаря / В. Познин — «Автор», 2013

Жанр книги «Двойник Цезаря» можно определить как роман-гипотеза. Опираясь на дошедшие до нас документы, автор предлагает свою трактовку действий Цицерона в должности консула, обстоятельств гибели Юлия Цезаря и событий, известных как «Заговор Катилины», которые стали прелюдией падения Республики. Читатель не только окунется в атмосферу Древнего Рима, но и заметит, что многие механизмы политической борьбы, которые мы наблюдаем сегодня, зародились в те далекие времена.

© Познин В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава I. <i>Censeo Carythaginem esse delendam</i> [1]	7
Глава II. <i>Multa petentibus desunt multa</i> [3]	14
Глава III. <i>Trahit sua quemque voluptas</i> [5]	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виталий Познин

Двойник Цезаря

Роман-гипотеза

Вместо предисловия

Как-то у нас с приятелем зашел разговор о том, каким образом госпожа история в переломные, решающие моменты выдвигает на первый план тех или иных личностей.

– Конечно, большую роль тут играет фактор случайности, – сказал я. – В одном из рассказов Марка Твена герой, подобно Данте, путешествует по загробному миру. И сопровождающий его чичероне показывает ему самые замечательные личности. Вот этот человек, говорит он, – гениальный полководец. Рядом с ним Наполеон, что говорится, отдыхает. Но на Земле этот человек на земле был портным, жил в другое время и в другом месте, и его задатки оказались не востребованы. А Наполеон оказался в нужное время и в нужном месте. ...

Кстати, известно, что Бонапарт по молодости подавал прошение на службу в русской армии. Но ему отказали. Наверное, решили, что ростом не вышел. А если бы приняли? Глядишь, вся история девятнадцатого века была иной...

Или взять Шикельгрубера. Стань Адольф студентом художественной академии, то, возможно, направил бы свою истерическую энергию на создание каких-нибудь необычных архитектурных проектов, а не на разработку плана «Барбаросса»...

– Это так и не так, – возразил приятель. – Потому что вместо них все равно кто-нибудь да появился бы. Правда, и события приобрели бы несколько иной характер. Но событие все равно состоялось бы. И потом, история, как известно, не имеет сослагательного наклонения.

– Вот этой затасканной фразы я никогда не понимал, возразил я. – А почему бы, спрашивается, не порассуждать в сослагательном наклонении о том, что могло бы быть, появиться иные личности и иные обстоятельства? Неужели это не интересно и так уж ненаучно? Современные компьютеры позволяют моделировать развитие любой ситуации... Но я возвращаюсь к своему вопросу: каким образом совпадают траектория событий и траектория судьбы конкретной личности?

– Меня-то интересует другое, – сказал приятель. – Насколько вообще достоверны так называемые исторические сведения. Мудрый француз Анатоль Франс заметил как-то по этому поводу: «История не наука; она – искусство. В ней только воображение приносит успех». И, мне кажется, он совершенно прав... Недавно я приобрел в букинистическом магазине «Заговор Катилины», книгу, выпущенную в 1934 году в издательстве «ACADEMIA». Туда включен труд Саллюстия, речи Цицерона, уйма комментариев и статья Преображенского, которая называется «Миф о Катилине». И мне подумалось, что античная история – это вообще наполовину мифология. Ведь мышление греков и римлян с детства формировалось мифами и легендами. Поэтому для них отделить истину от более выразительного, а поэтому и более убедительного исторического мифа было непросто...

У меня сложилось такое впечатление, что Цицерон, а следом за ним Саллюстий просто сочинили своего Катилину. Одному нужна была слава политика, другому – историка, и они на пару хорошо поработали... А народ между тем горячо любил этого самого Катилину и долго еще ходил на его могилку. Так что, возможно, на самом деле это был не такой уж плохой парень. Боролся с олигархами, бросил вызов сенату... Ведь Юлий Цезарь потом сделал

то же самое – централизовал власть, урезал права окопавшихся в сенате олигархов, списал с бедняков долги и тому подобное.

– Но Юлий оказался в нужнее время, – продолжал я гнуть свое. – А Катилина был преждевременным человеком. И потом это два разных типа, два разных характера...

У одного китайского мудреца есть парадоксальное размышление о силе и слабости. Подобно тому, как гибкие деревья, по сравнению с крепкими и жесткими, более живучи, говорит он, так и в людских отношениях часто побеждает не сила и крепость, а гибкость, а порой и слабость. Скажем, если сравнить боровшихся за власть Антония и Августа, то это две полные противоположности. Антоний – мужлан, человек действия, здоровенный, полный энергии мужик. Август, наоборот, – слегка subtilный, даже болезненный, мягкий в обращении. Но побеждает в схватке дуумвиров именно он. И, возможно, в истории Катилины и Цезаря, которые тоже оказались своего рода соперниками, но в разных временных отрезках, Цезарю удалось достигнуть того, что он хотел, потому, что он был более терпелив и гибок...

Разговор наш закончился тем, что я забрал у приятеля книгу про Катилину, потом прочел статью А. Блока «Катилина», перелопатил кучу литературы о Риме периода заката республики и, наконец, решившись, опираясь на приводимые в исторических источниках факты и подключив, как советовал А. Франс, воображение, решил предложить читателю свой вариант развития событий, связанных с личностью Луция Сергия Катилины.

Глава I. *Censeo Carythaginem esse delendam*¹

Под вечер на него навалилась неодолимая дремотная скука. Окутала липкой, вязкой паутиной, лишив энергии его большое, потное тело. Он лежал обнаженный, сбросив на пол легкое покрывало, и уставившись на судорожно мигающий огонек лампы, смотрел, как вокруг него чертят зигзаги бабочки и жуки.

Где-то вдали послышался рык, похожий на дальние раскаты грома, – это негодовал лев, которого уже три дня морили голодом, прежде чем выпустить на арену Большого цирка для казни преступников.

Катилина опустил ноги с лежанки, медленно встал и, подойдя к квадратному окошку, в котором мерцала голубоватая звезда, вдохнул широкими ноздрями ночной, пронзительно пахнувший рекой воздух. Накинул на себя тунику и, громко шаркая сандалиями по прохладному мраморному полу, направился в столовую. Вытащил из котла большую кость, оторвал от нее зубами большой кусок мяса и стал вяло пережевывать его, привалившись спиной к прохладной мраморной стене. Один из слуг заглянул в столовую, спрашивая взглядом и жестом, не нужно ли что хозяину. Катилину махнул рукой, и раб исчез, растворился в темноте.

Катилина скользнул взглядом по восковым маскам предков, на которых осел многолетний слой черной копоти, снял со стены самую выразительную из них – посмертный слепок с волевого лица деда, героя Третьей Пунической и, глядя в его глазницы без зрачков, попытался представить себе, каков был это человек, который ушел из жизни, когда ему, Луцию, было всего десять лет..

Теперь эта знаменитая Третья Пуническая – уже далекая история. За восемьдесят лет она покрылась такой же дымкой памяти, какой восковые маски предков покрываются с годами черной копотью...

Странная это была война. Карфаген в ту пору не представлял для Рима никакой опасности. Некогда мощная армия пунов давно превратилась в плохо обученное воинство, существующее лишь для устрашения собственных граждан и окрестных племен. Но Рим никак не мог забыть унижения и страха, испытанного в Первую Пуническую, когда Ганнибал стоял у ворот города. Поэтому сенат восторженно внимал Катону-старшему, с упорством городского сумасшедшего заканчивавшему чуть ли не каждое свое выступление истерическим возгласом: «*Карфаген должен быть разрушен*»...

Но реальная война с Карфагеном началась вовсе не из жадности реванша или самоутверждения, а из-за того, что для Рима настали нелегкие времена. Новой добычи и новых рабов почти не поступало; римские легионы терпели одно поражение за другим; граждане Рима погрязли в долгах, с которыми никак не могли расплатиться. Надо было срочно искать выход из кризиса. Тут и вспомнили про Карфаген, уничтожение которого позволило бы занять Риму выгодные позиции в торговле.

Но начать войну сразу, ни с того, ни с сего мешало одно существенное обстоятельство: с пунами был подписан договор о ненападении. А для Рима закон всегда был превыше всего. Требовалось срочно изыскать *casus belli*², предлог для объявления войны. И тайные службы Рима принялись готовить операцию «Союзник».

Престарелому царю Нумидии, у которого с Римом был заключен договор о взаимопомощи, откровенно дали понять: не хочешь потерять трон – начинай донимать Карфаген. И нумидийские всадники помчались с гиканьем на территорию соседей, опустошая пограничные селения и постепенно углубляясь все дальше на карфагенскую территорию.

¹ *Censeo Carythaginem esse delendam* (лат.). Я утверждаю, что Карфаген должен быть разрушен.

² Повод к войне (лат.).

Совет Ста Четырех сразу понял, откуда ветер, и отдал приграничным заставам строжайший приказ: не оказывать нумидийцам никакого сопротивления!

Так продолжалось несколько месяцев. Нумидийская конница совершала рейд за рейдом, грабя население, угоняя скот, насилая женщин. Жители сел посылали в столицу своих представителей, которые сообщали все новые и новые леденящие душу факты. Немногочисленная, но энергичная оппозиция в Совете поставила вопрос о необходимости защиты собственных граждан и с небольшим перевесом нашла поддержку своим предложениям.

И однажды, когда вконец обнаглевшие нумидийцы в очередной раз ринулись за легкой добычей, их встретил внезапный, а потому весьма успешный отпор со стороны армии пунов.

Дожидавшийся именно такого поворота событий, Рим тут же заявил: Карфаген нарушил договор, напав на союзника Рима, и этим поставил себя вне закона, что автоматически аннулирует договор о ненападении.

Верхушка Карфагена поняла, что запахло войной. Было приказано немедленно арестовать всех оппозиционеров, инициировавших отпор нумидийцам. Несчастных осудили на смерть, а чтобы продемонстрировать сенату полную лояльность, несчастных для исполнения приговора отправили в Рим.

Сенат одобрил такое проявление покорности, но потребовал прислать еще триста знатных граждан – в качестве заложников. Это условие Совет также беспрекословно выполнил.

Следующая операция, задуманная тайными службами Рима, называлась «Страх и ужас». Из Рима в Карфаген под видом купцов были посланы десятки агентов. Посещая рынки, бани и площадные представления, они как бы между прочим рассказывали, сколь велика мощь Рима. Слухи эти, быстро достигнув ушей карфагенской знати, породили в ней парализующий страх. Теперь она уже была готова идти на любые уступки, чтоб только избежать войны.

Следующее условие сената не заставило себя долго ждать: Рим потребовал полной демилитаризации Карфагена. И на этот раз Совет проявил полную покорность. Под контролем римских советников всё имеющееся у Карфагена оружие было погружено на корабли и отправлено в Рим. Мало того, Совет добавил к этому еще боевых коней и слонов.

Теперь, когда Карфаген оказался полностью разоружен, можно было начинать операцию «Ликвидация». Высадившись на африканский берег, римские легионы приблизились к воротам Карфагена и передали Совету последнее и главное требование: пуны должны снести Карфаген до основания. Новый город они могут построить в любом другом месте, но не ближе, чем за пятнадцать километров от моря. Это означало, что могуществу и благополучию Карфагену пришел конец.

Узнав, чем завершились бесконечные уступки, жители города пришли в ярость и негодование. Собравшись на площади, они рвали на себе волосы, посылали проклятия Совету и без конца скандировали: «Родина или смерть!».

Когда, наконец, эмоции поутихли, начали высказываться разумные предложения – пойти на хитрость, чтобы выиграть время.

Парламентеры пунов изобразили полную готовность выполнить поставленные условия. Единственная просьба послов заключалась в том, чтобы сенат дал горожанам время для того, чтобы они смогли собрать и перевезти свои пожитки. Рим, привыкший к безропотной покорности Карфагена и несколько не сомневавшийся в том, что все идет по плану, милостиво отпустил пунам на сборы месяц.

Не успели римские корабли скрыться за горизонтом, как в городе закипела работа. Под руководством Гасдрубала (племянника Ганнибала), началась подготовка к обороне. Днем и ночью мужчины возводили стены, ковали оружие, строили катапульты. Ребятишки подкатывали камни к стоящимся стенам и держали ночью факелы. Девочки подносили строителям воду и пищу, а женщины, по примеру жены Гасдрубала, срезали свои волосы и начали вить из них тетиву для луков...

Спустя месяц римские легионы вновь высадились на берег.

Подойдя к городу, они не поверили собственным глазам. Мало того, что Карфаген не был разрушен и стоял на прежнем месте – за его старыми городскими стенами, точно из-под земли, выросли два ряда совершенно новых, мощных укреплений.

Запросив из Рима лестницы и глинобитные орудия, легионеры пошли на штурм. И тут произошло такое, о чем дед рассказывал, как о конце света. Едва солдаты приблизились к стенам и попытались поставить штурмовые лестницы, как на головы их обрушился град камней, изрыгаемых метательными орудиями, швыряемых пращеметателями и просто сбрасываемых на головы штурмующих. Затем сверху полились потоками расплавленная смола и горящая сера, а карфагенские лучники запустили в воздух такое количество смертельно жалящих стрел, что небо потемнело. В завершение этого кошмара ворота крепости распахнулись, и оттуда с ревом вырвались боевые слоны с сидящими на них солдатами, разящими противника копьями и стрелами. Полный разгром легионов довершила конница пунов, неожиданно налетевшая вихрем на римские фланги...

Целую ночь за стенами города царило веселье: звучали песнопения, трубили трубы, и небо багровело от костров – пуны приносили богам щедрые жертвы...

Осознав, что штурм крепости невозможен, римляне решили блокировать город, чтобы заставить его жителей, лишившихся возможности пополнять продовольствие, сдаться.

Минул год. За ним еще один. Но Карфаген и не думал просить пощады.

Маявшаяся же от вынужденного безделья римская армия день за днем теряла боевой дух. Стали процветать неизбежные стутники безделья и скуки – пьянство, азартные игры, тупые забавы. Как мухи на падаль, в лагерь потянулись проститутки, менялы, торговцы, и вскоре он стал больше походить на базарную площадь, чем на военное подразделение.

Сенату надоело, наконец, бессмысленное топтание на месте и пустая трата денег на бездействующую армию. После долгих и яростных споров новым главнокомандующим был назначен очень не удобный для многих, но деятельный и решительный Сципион, потомок того самого Сципиона, что героически сражался с Ганнибалом. В этом было что-то символическое: Сципионы против Ганнибалов.

Дед Луция участвовал и в этом, втором этапе штурма Карфагена.

Видя, что осадой ничего не удалось добиться, Сцепион решил предпринять штурм крепости. Однако, понимая, что успех тут может принести только внезапность, он пошел на хитрость.

Чтобы никто из пунов не мог разглядеть даже предположить какие-либо изменения в римском лагере, далеко от стен крепости, за холмами, начались военные учения. Группы легионеров, незаметно меняя друг друга, отрабатывали там искусство быстрого взбирания по лестнице, упражнялись в рукопашном бое и затачивали свое оружие.

Чтобы окончательно усыпить бдительность осажденных, за день до начала штурма Сцепион построил два легиона и велел трубить в трубы и бить в барабаны. После чего легионеры направились к стоящим у причала кораблям и стали имитировать подготовку к отплытию.

Когда же наступила ночь, легионеры незаметно вернулись на свои места. Густо смазав колеса осадных орудий жиром, в полном мраке – для этого специально была выбрана безлунная ночь – они приблизились к стенам крепости.

Лишь когда забрезжил рассвет, пуны обнаружили, что у крепостной стены стоят осадные орудия, а с ними – огромные лестницы, по которым взбираются римские легионеры.

Сражение закончилось с первыми лучами солнца. Потеряв двести человек, римляне выбили пунов, отчаянно защищавших старую, наружную стену.

Теперь предстояло решить гораздо более сложную задачу – взять второй ряд укреплений, гораздо более высоких и мощных, чем старые стены. Да и притупить бдительность жителей

города, почувствовавших близость врага, теперь было непросто: пуны мгновенно определяли, где ведется подкоп или готовится прорыв.

Сципион решил не торопить события и начал второй этап осады. Но, в отличие от своего предшественника, он сделал блокаду полной: были отрезаны все подходы к морю и взято под контроль любое передвижение около крепости.

Дело шло к зиме, и оставалось лишь ждать, когда пуны, оставшись без продовольствия, изнуренные лишениями, голодом, холодом и болезнями, запросят пощады.

Но Карфаген по-прежнему не думал сдаваться.

Тогда, послав за подкреплением, Сципион начал подготовку к новому штурму. Подтянув ночью все глинобитные орудия, он приказал бить двухметровую кладку второй стены, не обращая внимания ни на стрелы, ни на град камней, ни на льющуюся сверху расплавленную серу.

И когда, наконец, в стене зазиял проем, римляне кинулись в атаку. Теперь всё решали храбрость и натиск. Именно тут проявил себя дед Луция. Вместе с легендарным Тиберием Гракхом он оказался среди первых, кому удалось, отбиваясь от вражеских мечей, ворваться в пробитую легионерами брешь. Как и все мужчины из рода Сергиев, дед был широк в плечах, высок и могуч – таким он оставался и в старости. И можно представить, как он рубил наотмашь всех, кто попадался на его пути...

В этот день римляне потеряли несколько сотен человек, но все же сумели взять не только укрепления второго ряда, на которых они споткнулись полгода назад, но и взобраться на третью крепостную стену, через которую и проникли в город. Судьба крепости была решена...

Первое, что поразило легионеров, вступивших на вражескую территорию, было жуткое, удушающее зловоние, которым был пропитан весь город. Повсюду валялись трупы лошадей, точнее то, что оставалось от них после того, как мучимые голодом люди отрезали от животных все, что только могло пойти в пищу. В городе давно были съедены все боевые слоны, собаки и кошки. Судя по всему, нередки были и случаи людоедства.

Кроме тошнотворного трупного запаха в воздухе висел запах паленого мяса. У пунов был ритуал сжигать своих мертвецов, а поскольку от недоедания и болезней каждый день умирали десятки людей, то костры в храмах горели, не затухая.

Изнуренные голодом, холодом, бесконечным неопределенным ожиданием развязки, пуны не в состоянии были оказать достойного сопротивления, хотя храбро бились за каждую улицу и каждый дом. То и дело они перебежали, как кошки, от крыши к крыше по проложенным специально для этого доскам между домами, успевая кинуть в римских воинов копье, дротик или горящий смоляной факел. Озлобленные легионеры, путаясь в незнакомых им улицах и проулках, выкрикивая проклятия, истребляли остервенело все живое, что попадалось им по пути или обнаруживалось в захваченном доме, – будь то старик, женщина или ребенок.

Гасдрубал с женой и двумя малолетними детьми и его приближенные укрылись в храме бога благополучия.

Видя, что легионеры утомлены семидневными боями, Сципион не стал рисковать людьми и решил взять последний оплот Карфагена измором.

Понимая, что рассчитывать на снисхождение победителей не приходится, на третий день осады укрывшиеся в храме люди решили покончить с собой. На полу был разведен огромный костер, и люди стали кидаться в него сверху один за другим.

Глядя на клубы дыма и слыша стоны, причитания и отчаянные крики, доносящиеся из храма, Сципион хотел уже было дать команду идти на штурм последней цитадели, как вдруг боковая дверь храма приоткрылась. Из нее выбежал мужчина в красном плаще, стремительно бросился к Сципиону и упал перед ним на колени.

Это был Гасдрубал, полководец пунов, два года возглавлявший героическую оборону Карфагена. Что-то, видно, сломалось в душе этого свирепого человека, не знавшего пощады к

врагам, предававшего безжалостным мукам попадавших в плен римлян, изуродованные тела которых выставлял потом для устрашения на стенах крепости.

Жена Гасдрубала в это время стояла на самой верхней площадке храма, готовясь к саможжению. Увидев мужа на площади, она громко прокричала ему что-то на своем языке. Исчезла на мгновение и вновь появилась на площадке, но теперь вместе с двумя сыновьями. Выкрикнула гневно какие-то слова, она взяла за руки детей и вместе с ними кинулась вниз, на мостовую.

В тот же миг Сципион, выдернув из ножен меч, пронзил сердце последнего полководца пунов. Может быть, он сделал это из презрения к трусу, а, может быть, из жалости к Гасдрубалу, освобождая его от унижительного плена и от позорной смерти от рук палача...

О самой битве дед не любил рассказывать. Видно, было там что-то такое, что заставляло старого ветерана стыдиться знаменитой кампании. И когда Луций вырос, он понял, что именно томило деда, напрочь лишённого сентиментальности, и что заставляло его избегать карфагенских воспоминаний. Ведь легионерам, озлобившимся на тупое сопротивление осажденных, пришлось уничтожать в основном не солдат, а гражданское население. Можно себе представить, как они, стоя по щиколотку в крови, сражались с изможденными, изнуренными голодом и хворями людьми. Если среди уцелевших пунов женщин осталось в живых меньше, чем мужчин, это значит, что и они принимали активное участие в обороне города и что их убивали так же, как мужчин, не говоря уж о другом...

Когда все было кончено, Сципион, решил побыстрее покинуть проклятое место. Но на всякий случай запросил Рим относительно дальнейших действий. И сенаторы, не обладавшие достаточным воображением, чтобы представить себе сотую долю того, что здесь творилось, повторили слова Катона старшего: *«Карфаген должен быть раз рушен и снесен с лица земли!»*

Подожженный со всех сторон Карфаген горел еще семнадцать дней и семнадцать ночей, и пленные пуны, глядя на багровое зарево, плакали навзрыд и рвали на себе волосы, прощаясь навсегда с тем, что еще совсем недавно было их родиной, великолепным и прекрасным Карфагеном, манившим к себе купцов и странников со всего мира.

После того как пламя истребило все, что только могло гореть, пунов заставили крушить и разбирать остатки бывших домов, дворцов и храмов. Легионеры тоже вынуждены были заняться этим не свойственным им делом, желая поскорей уехать домой с богатой добычей.

Когда камни были в основном разобраны, землю, на которой сотни лет стоял Карфаген, символически перепахали вдоль и поперек. А когда «пахари» увели уставших быков, на их место пришли «сеятели» и принялись разбрасывать пригоршни соли для того, чтобы место это навсегда стало бесплодной пустыней.

Доставленные в Рим пленные прошли во время грандиозного триумфа, устроенного в честь Сципиона младшего, прозванного отныне Африканским, по Священной дороге, ведущей к Форуму. Самых знатных из них подвели в тот же день к Мамертинской тюрьме и опустили через проем башни в затхлое подземелье, где палачи удавили их, как котят. Знай эти бедолаги, какая их ждет участь, они, скорее всего, предпочли бы броситься на римские мечи или кинуться с корабля в пучины моря. Но так уж устроен человек – до последнего вздоха на что-то надеется...

Немногословные рассказы деда о Карфагене произвели на Луция сильное впечатление, и когда ему было предложено на выбор несколько колоний, куда бы он мог отправиться в качестве претора, Катилина выбрал именно Африку – так называлась теперь территория бывшего Карфагена.

Однако здесь его ждало разочарование. Люди, с которыми ему пришлось столкнуться в Африке, большей частью были мелки и ничтожны. Они постоянно хитрили и лукавили, чтобы поймать для себя какую-нибудь выгоду, и он бесконечно презирал их, не особо стараясь скрывать свои чувства.

Больше всего его раздражали местные начальники, бесстыдно грабившие собственный народ и утаивавшие большую часть получаемой mzды, списывая свою собственную жадность на ненасытность римских мытарей.

Он попытался было навести какой-то порядок, но понял вскоре, что это нисколько не изменит ситуацию, а лишь умножит количество его недоброжелателей и врагов, которых, благодаря его неуравновешенному нраву, у него и так хватало, и оставил свои попытки. Единственное, за чем он пристально следил, – чтобы вовремя отгружалось на корабли нужное количество зерна. Провинция Африка была основной житницей Рима, и любые перебои с хлебом вызвали бы гневную реакцию сената.

Иногда, чтобы развеяться, он садился на коня и сам, без охраны, уезжал подальше от жилых мест. Ехал мимо полей, возникших на месте бывших финиковых рощ, мимо песчаных дюн, которых здесь с каждым голом становилось все больше, и размышлял о суетности жизни и о нелепых случайностях, от которых часто зависит судьба не только отдельных людей, но и целых государств. Ведь не прояви самодовольную глупость Карфагенский совет, отказав Ганнибалу в подкреплении, когда победа над Римом была совсем близка, история Карфагена могла сложиться совсем иначе... Теперь нет ни Карфагена, ни даже следов его. Мало того, уже начали истощаться плодородные земли в живописных ущельях Атласа. Напуганные страшной участью, постигшей Карфаген, берберы бежали к югу, и их стада вытаптывают некогда зеленые равнины, превращая их в безжизненные пустыни. А ведь совсем недавно здесь бродили повсюду могучие слоны и стада красивых диких лошадей. Теперь же на глаза попадались лишь верблюды, эти неприхотливые уродцы, созданные богами для подобных ландшафтов, где мало воды и пищи.

Но это еще полбеды. С превращением Карфагена в мертвый город в самом Риме начали происходить недобрые перемены. Возможно, величие двух соперничающих государств – Рима и Карфагена поддерживало в мире какое-то равновесие. И как только Карфагена не стало, многое начало меняться и в Риме. Восстань Катон из мертвых, он с удивлением обнаружил бы, что именно с исчезновением с лица земли ненавистного ему Карфагена дух торгашества и алчности, жажда роскоши и удовольствий, – всё, с чем он всегда неустанно боролся, овладели Римом, поражая всех и вся, как заразная болезнь...

Мало того, каждого римлянина, кто соприкасался с Карфагеном, точнее с тем местом, где некогда он был, начинал преследовать злой рок.

Печально сложилась судьба Гая Гракха. Этот мечтатель хотел создать здесь уголок разума и справедливости, обосновав на месте Карфагена римскую колонию для обездоленного римского люда с поэтическим названием «Юнония». Но пока Гай был в Африке, его враги, не теряя времени даром, распускали о нем по Риму всевозможные сплетни и домыслы, и когда Гай вернулся домой, то Рим был уже совсем не тот. Гая постигла та же участь, что и его брата Тиберия, – он пал жертвой неблагодарной черни, жизнь которой он хотел улучшить.

Зловещую силу мертвого города испытали на себе Марий и Сулла. Именно там началось их соперничество, которое через несколько лет ввергнет Рим в пучину гражданской войны...

Карфаген будто мстил за свою гибель и позор, то и дело сталкивая римлян между собой. Казалось, карфагенский Ваал требовал все новых и новых жертв.

И вот теперь зловещий дух мертвого города, похоже, коснулся и его, Луция Сергия Катину. Едва он вернулся в Рим, отбыв год проквестором в Африке, как следом за ним оттуда приплыла делегация с жалобой на его действия – он обвинялся в несправедливости, мздоимстве, притеснениях и прочих грехах.

И кто же эти жалобщики? Римские вольноотпущенники, вчерашние рабы, чьих родителей, пленных пунов, провели восемьдесят лет назад с позором по улицам Рима. Недаром легендарный Сципион в ответ на реплики то и дело перебивавших его речь нахалов крикнул

как-то: *«Да помолчите, наконец, вы, ничтожества, вчерашние рабы! Давно ли я привез вас сюда, в Рим, в цепях?»*

Эта публика действительно оказалась необыкновенно живучей, быстро приспособилась к новым условиям и направила всю свою энергию и изворотливость на то, чтобы любыми способами разбогатеть. Выкупившись на волю, они с новой силой продолжали обогащение, занимаясь торговлей, точнее ловкой перекупкой, ростовщичеством и сдачей в наем приобретаемых за бесценок домов. Часть их вернулась на родину, на бывшие земли Карфагена, превращенные сначала в колонию «Юнония», а потом в провинцию «Африка». И вот теперь свора этих тварей примчалась следом за ним, чтобы сотворить свой гнусный навет. Можно подумать, что за всю историю этой провинции со времён Гракха он был самым большим злодеем из всех наместников! Никто не заставит его поверить, что это произошло случайно и не было никем организовано и проплачено. Слишком уж много совпадений. Похоже, кому-то явно не по нутру его попытки пройти в консулы...

Глава II. *Multa petentibus desunt multa*³

Марку Туллию Цицерону
от Квинта Туллия Цицерона.⁴

Дорогой брат!

Прежде всего хочу сообщить тебе, что просьбу твою выполнил. Правда, частично. Мне удалось купить сравнительно недорого несколько недурных вещиц для твоего загородного дома. Это красивый рельеф для стока воды в виде забавной головы ослика и две бронзовых статуэтки для перистилля – одна изображает девушку с амфорой, из которой (я имею в виду амфору) должна литься вода, другая – плачущего крокодила.

Теперь о главном. Ты снова пишешь о своем желании выставить свою кандидатуру в консулы на следующих выборах. Желание твое вполне понятно и логично. Всей своей жизнью, своими словами и делами ты более, чем кто-либо другой, заслужил это место. Но, зная твою натуру, склонную более к философствованию, нежели к делам практическим, хотел бы все же дать тебе несколько советов.

Первое. Да убережет тебя Юпитер от воинственного пыла во время проведения предвыборной кампании. Избиратели не любят тех, кто откровенно рвется к власти и предлагает себя с настырностью торговца и с бесстыдством уличной девицы. И не забывай, что ты, как выражаются аристократы, – новый человек, то есть человек, пробившийся наверх не благодаря своей родовитости, а лишь своему таланту и упорству. Все эти нобили и патриции, намазывающие восковые маски своих предков сажеей, дабы изобразить, сколь древен их род, всегда будут испытывать по отношению к тебе настороженность и скрытое презрение. Поэтому тебе придется предпринять дополнительные усилия, если ты хочешь добиться успеха.

Прежде всего, пусть твои друзья и твои клиенты проявят сейчас максимум усердия, стараясь привлечь внимание и симпатии к твоей личности. Обеспечь их деньгами в достаточной степени, чтобы они не скупились на угощения и подарки, ибо по друзьям твоим судят и о тебе.

Второе. Старайся сейчас выказывать всячески расположение и дружелюбие ко всем слоям и категориям избирателей. Будь внимателен и

дружелюбен с людьми низкого звания, начиная от своей многочисленной клиентелы и заканчивая своими рабами и вольноотпущенниками. Да-да, именно все эти бездельники, бродящие с утра до вечера по городу с твоими поручениями или без оных, и создают нам репутацию.

Третье. Старайся каждый день собирать вокруг себя множество людей и появляйся с ними в людном месте, чтобы тебя как можно чаще видело как можно большее количество людей. Это также будет способствовать тому, что твоя популярность, твой авторитет и общее уважение к тебе возрастут еще сильнее.

Четвертое. Кроме этого, больше обращай внимание на конкретного человека, потому что каждый из смертных прежде всего любит самого себя. Узнавай и запоминай какие-то детали жизни людей влиятельных и заслуживающих уважения, чтобы при случае распробовать их о делах и здоровье их самих и их близких. Тем самым ты приобретешь репутацию человека внимательного и заботливого, прямо-таки отца родного.

³ Multa petentibus desunt multa (лат.). Кто многого добивается, тому многого недостает.

⁴ Здесь приводится подлинное письмо Квинта Туллия Цицерона с небольшими изменениями (Прим. автора).

И, конечно же, если хочешь, чтобы тебя все любили, не забывай каждого хоть за что-нибудь хвалить и в глаза и за глаза. И постоянно сдерживай себя, ибо ты способен порой ради красного словца нечаянно задеть (и довольно язвительно) не только одного человека, но и целое сословие.

Но при этом ты не должен выглядеть бесхребетной, всем угрожающей личностью. Не уставай обличать и клеймить позором мздоимцев всех мастей, плутов и глупцов, развратников и растлителей, наглецов и возмутителей спокойствия... Ты не рискуешь обидеть этим кого-то конкретно, – ведь большинство людей почитает себя за умных, честных и добропорядочных, – но зато приобретешь славу человека, непримиримого к любым нарушениям закона, морали и традиций, что всегда импонирует публике.

***И последнее**, но весьма важное условие успеха. Постоянно будь в курсе дел всех своих конкурентов, чтобы успеть опередить их и подготовиться к их выпадам против тебя. Не знаю, с твоей помощью или нет удалось снять с участия в прошедших выборах кандидатуру Луция Катилины, но это несомненно был удачный и ловкий ход.*

Катилина – достаточно серьезный конкурент. Его лозунги привлекательны для увязших в долгах бедняков, а также у части всадников и ветеранов Суллы. То, что он не избран консулом, – большая для тебя удача, потому что трудно сказать, что бы он успел натворить за год своего консульства. Сегодня тебе лучше с ними ладить, по крайней мере, изображать полное свое дружелюбие и расположение. И ты совершенно правильно сделал, любезно предложив Катилине свои услуги в качестве адвоката по упомянутому выше делу о его злоупотреблениях в Африке.

И напоследок еще раз повторяю: помни: ты – новый человек, и поэтому должен употребить весь свой ум и энергию на то, чтобы не проиграть. Судьба и фортуна дают тебе шанс.

Прощай. Твой брат Квинт

P.S. Не забудь сжечь это письмо.

Глава III. *Trahit sua quemque voluptas*⁵

За окном тускло пропел рожок – наступало время третьей стражи.

Катилина вышел на улицу, сопровождаемый двумя охранниками и двумя факелносцами, и пошел в задумчивости по ночному городу, не замечая ни выхватываемых из тьмы колеблющимся светом факелом продажных женщин, зазывавших прохожих откровенными взглядами и жестами; ни убогих нищих, готовящихся ко сну у теплых еще стен домов; ни спешащего на ночную пирушку нобилия; ни кучки молодежи, толкущейся под окнами углового дома, в котором, вероятно, проживала одна из женщин, пользующихся в этом сезоне особой популярностью.

Хихиканье и оживленные реплики сопровождавших его рабов заставили Катилину обратить внимание на группу людей, собравшихся возле трехэтажного дома, в котором располагался лупанарий. Это местечко пользовалось большой популярностью у всадников, но нередко захаживали сюда нобили и даже сенаторы.

Вход в веселое заведение был со двора, но для того чтобы всякий пожелавший удовлетворить свою похоть мог сразу его обнаружить, над крыльцом парадного входа висел фонарь, ярко красное стекло которого было изготовлено в виде приапа.

В эту ночь огонь в фонаре сиял ярче обычного, собирая на свет, кроме бабочек и мошкары, всех окрестных развратников и уличных зевак. Фасад здания тоже выглядел празднично: парадный вход были изобильно декорирован лавровыми венками, плющом, ветками мирта, цветочными гирляндами и прочими атрибутами, которыми принято сопровождать свадебные церемонии.

Из дома доносилась веселая музыка и гвалт возбужденных голосов. Звуки становились все громче, нарастали, приближались, и, наконец, когда дверь парадного входа резко распахнулась, музыка и беспорядочный гам выплеснулись на улицу вместе с толпой пестро разодетых людей, возглавляемую дородным мужчиной, облаченным в белую, как у жениха, тогу. Его широкая, рыхлая физиономия, нездоровую красноту которой усиливали свет фонаря и огонь факелов, расплывалась в довольной улыбке.

Лысеющую голову «жениха» украшал лавровый венок триумфатора. И подобно триумфатору, толстяк то и дело раскланивался направо и налево и воздевал вверх то одну, то другую руку. Сопровождавшая его свита, состоявшая из его приятелей и всякого рода прихлебателей, радостно повизгивала, похрюкивала, чмокала губами и при каждом жесте толстяка принималась хохотать так, будто им щекотали ребра. Прохожие, останавливающиеся поглазеть на это шутовское действо, тоже хихикали, и лишь немногие, очевидно недавние крестьяне, презрительно плевались в сторону весельчаков и торопились дальше по своим делам.

Все понимали, что означает комедия, которая разыгрывалась на их глазах: любитель острых ощущений, отваливший хозяйке заведения щедрую порцию серебра за право провести первую ночь с юной рабыней, только что купленной для лупанария, изображал некое подобие свадебного торжества. Присутствие нечаянных зрителей еще больше раззадорило похитителя невинности, его дружков и выдавших виды «волчиц»⁶, принимавших в свой приют разврата еще одну жертву, и они веселились так, будто и впрямь присутствовали на настоящей свадьбе.

Среди свиты молодцов, участвовавших в этом балагане, Катилина заметил несколько знакомых ему лиц, но, не имея желаний общаться сегодня с кем бы то ни было, ускорил шаг, чтобы побыстрее свернуть за угол.

– Луций! – услышал он за спиной знакомый голос и, обернувшись, увидел Квинта Курия.

⁵ *Trahit sua quemque voluptas* (лат.) Всякого влечет своя страсть.

⁶ волчица (лат. *lupa*) – так называли в Древнем Риме проституток; отсюда – лупанарий т. е. публичный дом.

- Куда ты торопишься? – активно жестикулируя, заговорил Курий. – Оставайся с нами! Тут хорошо и весело. А хочешь – пошли вместе к Фульвии.
- Нет, спасибо, у меня сегодня другие планы.
- Ну-ну. Интересно, куда можно спешить в столь поздний час. Не на тайное ли свидание?
- В отличие от тебя я не афиширую имена женщин, с которыми встречаюсь.
- Ну, ты у нас во всем конспиратор... Кстати, я случайно встретил сегодня Юлия Цезаря.

Он спрашивал про тебя.

- Я сам его найду. А тебе совет: поменьше болтай!

Катилина повернулся к назойливому Курию спиной и скрылся за углом.

Путь его лежал к дому Семпронии, пославшей ему приглашение посетить ее сегодня вечером.

С этой женщиной Луция связывала многолетняя дружба, если их странные отношения можно было назвать дружбой.

Они встретились десять лет назад, когда Семпрония цвела первой женской красотой, яркой, манящей, приковывавшей взоры даже самых ленивых и апатичных мужчин. Боги одарили ее не только привлекательной внешностью и легким, веселым нравом, но и многими талантами. Она сочиняла недурные стихи, красиво пела и хорошо танцевала, что постоянно вызывало недовольство ее мужа Децима Брута. Тот считал, что жена его делает это гораздо искуснее, нежели подобает порядочной женщине. На что Семпрония отвечала со смехом: «Дорогой, ты играешь в кости искуснее, чем иной шулер, но это еще не повод сомневаться в твоей порядочности».

Вспыхнувшая с первой же встречи любовь между Семпронией и Катилиной продолжалась чуть больше года. Луций был влюблен пылко, страстно и даже предлагал красавице разорвать супружеские узы с Брутом, чтобы связать свою жизнь с ним, Катилиной. Но Семпрония не склонна была торопить события. Кроме того, она обожала своего сына Альбина и не хотела разлучаться с ним даже ради любимого мужчины.

Измаявшись от раздражающей его ревности и чувствуя, что он рискует, подобно Валерию Катулле, оповещавшему в стихах весь Рим о том, как он страдает, оказаться в плену мучительно-сладостного чувства любви-ненависти, Луций решил прекратить всякие отношения со своей возлюбленной, вырвать ее из сердца. Он покинул Рим на несколько месяцев, отправившись сначала в родовое имение, а затем в путешествие по Греции.

Долгая разлука если и не излечила его окончательно, то в большой мере притупила остроту чувств, и когда он встретился с Семпронией вновь, то уже не претендовал на то, чтобы быть единственным ее возлюбленным, не устраивал, как раньше, яростных сцен ревности, и даже стал спокойно, с улыбкой воспринимать новые увлечения красавицы.

Семпрония тоже не склонна была терять окончательно своего преданного поклонника. Ей нравились его ядовитая ирония, мужская грубость и прямота. Благодаря ее дружелюбию, веселому нраву и ясному, почти мужскому уму, отношения их стали более дружественными, чем любовными. Лишь иногда они позволяли себе встречаться наедине, или, как выражалась Семпрония, окунаться в теплые волны воспоминаний...

Приблизившись к расположенному на Эсквилине великолепному особняку Децима Брута, Катилина велел слугам отправляться домой, и, подойдя к массивной двери, постучал по ней висящим на бронзовой цепочке самшитовым молотком. Через некоторое створки двери приотворились, и мрачного вида раб-либурн, поклонившись, пригласил гостя следовать за ним в перистиль.

Это место в доме Брутов мало чем отличалось от подобных мест в домах римских нobileй: в миниатюрном саду, окруженном по овалному периметру мраморной колоннадой, росли маленькие пальмы и кипарисы, благоухали мирт и олеандр, а по стенам и колоннам вился бойкий кудрявый плющ.

Но было здесь и нечто выдающееся – а именно роскошное изобилие воды. Прозрачные холодные струи гулко журчали в двух позолоченных фонтанах, изливались из пастей лягушек, змей, обезьян и ослов, сползали прозрачной кисеей с отполированных водой мраморных ступеней, текли по желобам вдоль стен перистилия.

В дневное время солнечный свет пронзал своими лучами эти водные струи и потоки, отчего они отбрасывали тысячи вибрирующих, танцующих солнечных зайчиков на колонны из белоснежного тибуритинского мрамора, на гладкий мозаичный пол и на влажные ярко зеленые листья растений. Сейчас же, при мерцающем, колеблющемся свете четырех холцедоновых светильников на неумолчных водных струях там и сям вспыхивали, будто бриллианты, яркие блики. Казалось, что ты находишься в таинственной прохладе наполненной драгоценностями пещеры.

Из-за шума воды Катилина не услышал, как к нему приблизилась Семпрония, и даже вздрогнул от неожиданности, когда она нежно коснулась рукой его спины.

– Извини, дорогой, что заставила тебя ждать, – произнесла женщина низким бархатным голосом и, обернувшись к двери, хлопнула дважды в ладони.

В тот же самый момент в перистиле возникли слуги, будто они все время стояли там, за дверью, дожидаясь сигнала госпожи. Слуги внесли три столика из черного дерева, два легких кресла и подставки для ног. На одном из столиков разместились два халцедоновых кубка, отражающих мерцающее пламя светильников, а также небольшой глиняный сосуд-холодильник; на другом столе появилась большая ажурная ваза из серебра, наполненная фруктами; на третьем – чаша с ароматизированной водой для мытья рук и вышитые льняные салфетки.

– Посидим здесь, пока не спадет жара, – Семпрония сделала легкий жест рукой, и слуги исчезли из перистилия так же быстро и бесшумно, как и появились.

Семпрония вынула из глиняного холодильника темный кувшин, расписанный белыми лилиями, и, наполнив вином кубок, подала его гостю.

– Хиосское, из Греции, – пояснила она. И добавила с ироничной улыбкой. – Я знаю, ты предпочитаешь пить вино по-скифски, не разбавляя водой.

Соблюдая ритуал, Катилина поднялся и с легким поклоном принял кубок из рук хозяйки.

– В твоём доме нельзя иначе, – ответил он. – Здесь столько воды, что просто грех наливать ее еще и в вино. А ты не выпьешь со мной? Или твой древний род свято блюдет законы Ромула? Помнишь, как там сказано про женщин? *«Суду сородичей подлежит прелюбодеяние и питие вина, если на нем поймают»*.

– Вот именно – «если поймают», – засмеялась Семпрония и, налив себе немного вина, разбавила его теплой воды.

– Да пошлют тебе боги вечную молодость, удивительная женщина! – сказал с чувством Катилина, глядя неотрывно в серые бездонные глаза Семпронии, и залпом осушил кубок с прохладным ароматным напитком.

Семпрония, как всегда, эффектная, грациозная, выглядела гораздо моложе своих лет. Сегодня она была без повязки, поддерживающей грудь, но от этого ее бюст еще выразительней вырисовывался под легкой туникой. От розовой туники исходил резкий, но приятный, волнующий запах совсем свежей, не стиранной ни разу ткани, – его не могли забыть даже благовоения, которыми изобильно пользовалась красавица.

– А где твой сын? – спросил Катилина.

– Децим Альбин? Он, как всегда, с Юлием Цезарем. Альбин его просто обожает. Они сегодня уехали компанией куда-то к морю... Бери фрукты, Луций. Они из твоей любимой Африки.

– Ты хочешь, чтобы они застряли у меня в горле? – усмехнулся Катилина.

– Да, кстати, чем ты так досадил африканцам, что они прислали сюда своих жалобщиков?

– И до тебя дошло? Откуда я знаю, что ими двигало. Если бы я воровал, как все, то, наверное, не было бы никаких жалоб. Но поскольку я попытался там кое-кого приструнить, им это, естественно, не понравилось. Не успел я вернуться в Рим, как сюда примчалась бойкая свора мерзавцев с жалобой на то, что я их якобы притеснял и тиранил. Ты же знаешь, что я в этом году решил выставить свою кандидатуру на консульских выборы, так что вполне возможно, что кто-то пожелал таким образом отстранить меня от участия в них.

– Я слышала, – сказала Семпрония, – сам Цицерон выразил готовность выступить в качестве твоего защитника в суде.

Она отщипнула ягоду от кисти винограда и, переменив позу, облокотилась о ручку кресла, отчего край ее туники приподнялся, давая возможность лицезреть красивый изгиб ноги, оплетенной кожаными завязками сандалии.

– Это-то меня как раз и настораживает, – сказал Катилина. – После истории с сестрой его жены Теренции, – а он у нее, как ты знаешь, под пятой ходит, – он должен был бы чураться меня.

– Кстати, дело прошлое, уж признайся откровенно: ты действительно согрешил тогда с прелестной весталочкой?

– Да нет же, клянусь тебе, нет. Я вообще не знаю, зачем Теренции нужен был весь этот скандал. Ведь окажись, что ее сестрица действительно нарушила обет девственности, несчастную замуровали бы живьем.

– Ну, во-первых, наши священные законы теперь не столь уж неукоснительно соблюдаются, а, во-вторых, Теренция пыталась представить дело так, будто ты силой взял весталку. Что, в общем-то, на тебя похоже...

– Да нет же. По-моему, вся эта возня была направлена не столько против меня, сколько против ее сестры... Не пойму до сих пор, что тогда двигало Теренцией. Может быть, она завидовала красоте своей сестры, ее положению?... Хотя, по мне, почести и привилегии, которыми пользуются весталки, не могут идти ни в какое сравнение с радостями любви...

– Я думаю, Теренция просто была тогда влюблена в *тебя*.

Катилина ничего не ответил, лишь пожал неопределенно плечами.

Они вновь наполнили кубки, и Семпрония предложила выпить за любовь.

– Любовь – это единственное, ради чего стоит жить, – произнесла она с чувством. – Когда спрашивают у меня про секрет моей молодости, я отвечаю: просто надо жить любовью.

Прежде чем пригубить вино, женщина подошла к статуе Венеры и слегка плеснула из кубка на мраморную ногу богини.

*– Она лишь одна – мое божество,
И, имя желанное с терпким мешая вином,
Впиваю его с наслажденьем,*

– продекламировала она напевно на греческом и трижды хлопнула в ладоши.

В дверях появились три девушки, две из них с флейтами и одна с тамбурином, и скрылись незаметно за мраморными колоннами, будто растворились в полумраке перистилия. Вскоре оттуда полилась, заструилась тихая нежная мелодия. Казалось, что чарующие звуки музыки рождены неумолчным шумом фонтанов и журчанием водяных струй.

Над перистилем на черном полотне неба засверкали две яркие звезды и показался золотистый рог молодого месяца.

– Божественный вечер, – сказал Катилина, расслабленный музыкой, выпитым вином и близостью красивой и желанной женщины. – Как ты умеешь делать все красивым и божественным... Знаешь, у меня сейчас такое впечатление, что мы с тобой сидим не в середине шумного, душного города, а находимся на далеком сказочном острове, где нет ни интриг, ни ненависти,

ни обмана, ни прочих мерзостей, которыми Рим пронизан, как лесная почва корневищами. Помню, когда я был маленьким, я любил слушать рассказы матери про золотой век. О том времени, когда не было ни вражды, ни зависти, ни злобы. И я представлял себе при этом вот такой же тихий вечер, мягкую музыку и улыбающихся женщин...

– Наверное, золотой век в Риме закончился, когда Ромул убил Рэма, – сказала Семпрония.

– Возможно. Кстати, в народе ходит легенда, что Ромул вовсе не убивал Рэма. Они просто устроили комедию с исчезновением одного из близнецов, а потом делали вид, будто страной правит *один* царь. Сами же появлялись на публике поочередно, отчего, вероятно, и пошли рассказы о неумимости Ромула.

– Что ж, могло и такое быть. Правители любят иметь двойников...

Катилина вдруг сник и помрачнел.

– Ты знаешь, последнее время надо мной висит злой рок, – сказал он, допив залпом второй бокал. – Будто мертвящий дух Карфагена преследует меня, как и всех, кто когда-то прикоснулся к этому месту.

– Я думаю, тут ни при чем ни рок, ни дух. Просто кто-то внимательно следит за тобой и наносит точные удары.

– Но кому это нужно?

– Не знаю. Мне кажется, тут не обошлось без нашего хитроумного Одиссея.

– Ты имеешь в виду Марка Туллия Цицерона? Но зачем ему это надо?

– Я слышала, он собирается выдвинуть свою кандидатуру на очередных выборах в консулы. А ты для него вполне реальный соперник.

– Да ну, этого не может быть! Мы служили с ним в преторианской когорте Помпея и были почти друзьями. Цицерону тогда было лет восемнадцать, мне – двадцать. И я был для него вроде старшего брата.

– Тебе давно уже пора понять, что у политика не может быть друзей. Учись у Юлия Цезаря. Ты, может быть, умней его, но ты слишком прям и откровенен. То и дело идешь напролом, не всегда умеешь скрывать свои чувства. Юлий же всегда со всеми ровен и обходителен. А главное – он умеет делать все так легко и весело, будто ему и дела нет до того, благосклонна к нему Фортуна или нет. И в результате его уважают даже его враги... Кстати, Юлий о тебе очень хорошо отзывался. А знаешь, что о тебе говорил Саллюстий?

– Да плевать мне на его мнение.

– Ну, может быть, ты и прав. Я тоже живу по правилу: не важно, что о тебе думают недруги, важно, что ценят в тебе друзья.

Семпрония сняла с шеи серебряную цепочку, на которой висел овальный аравийский оникс, и передала его Катилине. На камне была начертана надпись на греческом:

Вы, люди, говорите, что хотите,

Меня это ничуть не беспокоит.

Я слышу только тех, кто дорог мне.

– Это мне досталось от моей бабки, – сказала Семпрония. – Она очень любила греческую поэзию и философию.

– Вероятно, ты пошла в нее.

– Да, поэзию я люблю. Философия же моя проста: любить и наслаждаться.

– Помнишь, Семпрония, ты мне рассказывала, что в северной части Понта живет племя, у которого есть такой обычай: человек там не дожидается приближения немощной старости, а, чувствуя, как уходят силы, идет на священную скалу и бросается с нее в море. И как бы растворяется в природе, подобно легкой дымке. Не причиняя никому ни хлопот, ни забот.

Будто он ушел однажды в далекое, долгое странствие и не вернулся... Ты знаешь, я тоже хотел бы однажды вот так уйти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.